

АНГО САКАГУТИ

*НОВЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ
ЭПОХИ МЭЙДЗИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44
С15

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с японского

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Сакагути, Анго.

С15 Новые детективные истории эпохи Мэйдзи : [сборник : перевод с японского] / Анго Сакагути. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-181866-1

Благородного джентльмена Юки Синдзюро — сыщика-любителя, к которому полиция обращается за помощью всякий раз, как сталкивается с невероятно сложным и неразрешимым на первый взгляд делом, — ждут новые увлекательные загадки. Например, загадочное двойное убийство на свадьбе сына мастера боевых искусств, таинственное исчезновение молоденькой служанки ночью во время грозы или необъяснимая смерть хозяина борделя на железной дороге, которую попытались выдать за самоубийство.

Изначально печатавшиеся в виде отдельных рассказов на страницах периодических журналов, «Детективные истории эпохи Мэйдзи» завоевали популярность публики и с тех пор легли в основу двух телесериалов, манги и аниме. В данное издание вошли вторые десять из двадцати рассказов оригинального авторского сборника. Все истории публикуются на русском языке впервые!

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44

© Перевод. А. Аркатова, 2025
© Перевод. П. Гуленок, 2025
© Перевод. Е. Кизымишина, 2025
© Перевод. А. Палагина, 2025
© Перевод. А. Слащева, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

История первая. **Под градом молний**

Есть особая порода людей — нелюбители грома. Впрочем, так-то он никому не нравится, но некоторые испытывают к этому явлению природы особое отвращение. Вот среди моих знакомых один настолько терпеть его не может, что как переселился в Ито во времена эвакуации, так и остался. В Ито гром случается всего четыре-пять раз в год, и то где-то далеко, будто лишь подражая настоящей грозе. Правда, теперь этому знакомому три часа добираться до работы, а ведь еще обратно! Впрочем, он готов терпеть неудобства ради спокойствия без «этих жутких раскатов».

В Токио же гроз много. Когда я жил у переправы Ягути, в некоторых местах гром терзал меня немилосердно. Жители тех мест верят, что в Ягути молнии всегда бьют в святилище, что в Мусаси-Нитта. Может, это связано с печальной и бурной кончиной покровителя святилища, а может, и нет — не знаю, но молнии бьют туда действительно часто. Однако во время войны храмовая роща была уничтожена, и теперь грому некуда и ударить. Грозы

в Ягути чаще приходят со стороны горы Ояма через Йокогаму. После пяти лет на одном месте я стал это понимать.

Кстати, меня удивил знакомый, который поселился в Ито. Неужели нелюбовь к грому может быть настолько сильной? Он самолично составил карту токийских гроз и отметил, где возникают бури, которые потом обрушиваются на Токио! Он заявил, что у каждой есть свой маршрут, изучил их, и теперь по его карте можно с первого взгляда понять, куда били молнии за последние двадцать лет. Предположим, за двадцать лет в одной местности прошло пятьсот гроз, тогда районы, где было более трехсот, отмечены красным цветом, более ста — оранжевым, более пятидесяти — желтым, более десяти — светло-зеленым, и так далее. При взгляде на эту карту отчетливо видны территории, которые два, три раза подвергались воздействию гроз — а местами попадались крошечные долины, где гроз не случалось вообще. Можно ли в них укрыться от молний?

Как же удалось составить столь необычную карту? Дело в том, что в каждом районе есть главный громоненавистник. Каждый раз, когда случается гроза, он, чуть ли не теряя сознание, судорожно хватается блокнот и карандаш, чтобы записать места, куда ударила молния, а на следующий день проверяет их и обменивается записями с другими «ненавистниками» из разных районов. Связь между громоненавистниками налажена неплохо. Конечно, это не значит, что они объединяются и замышляют заговор против молний, да и личной жизнью друг

друга не интересуются, а вот в деле проверки маршрутов гроз и обмена записями проявляют почти легендарную одержимость и единство. Богатые громоненавистники заранее находят гостиницу в укрытии, и как только почувствуют приближение грозы, бросают все и мчатся туда на трамвае или одноколке. Вскоре туда в спешке почти одновременно врываются еще несколько «коллег» из других мест — одни и те же вечно бледные завсегдатаи. Когда гроза утихает, они, не хвастаясь и не горячась, сами собой расходятся. Порядок, в котором они бегут прятаться в укрытие, почти всегда одинаков: первый, второй и третий почти никогда не меняются. А все потому, что кто-то чувствует приближение грома на час раньше других, кто-то на сорок минут, кто-то на тридцать, но нюх у каждого свой. На самом деле их чутье на грозу надежнее, чем приборы метеостанций, и все же никто не слышал о громоненавистниках, которые преуспели бы в жизни.

Итак, дело было вечером восемнадцатого августа, через месяц после праздника Обон¹. По теории одного громоненавистника, грозы в Токио, как призраки, появляются в непредсказуемое время, но самые свирепые являются под вечер.

В ту ночь молния сверкнула около половины девятого. Без громоненавистников никто не мог сказать, когда точно — а таких не нашлось.

¹ Обон — традиционный японский буддийский праздник поминовения предков, во время которого, по народным представлениям, души умерших на короткое время возвращаются в мир живых. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

Но спор о том, ударила ли молния незадолго до девяти или около восьми тридцати, позже стал предметом обсуждения в истории о доме чиновника по имени Мори Дайгаку в районе Хонго Комагомэ. Район этот славится множеством храмов, в том числе и тем, что связан с Яоя О-сити. Кладбище же находится не у дома Мори, но примерно в половине тё¹.

Хозяин, Дайгаку, сорока семи лет, был важной шишкой в учреждении, которое сейчас называется Министерством сельского хозяйства и лесоводства. С конца прошлого месяца он по официальному поручению уехал на инспекцию на Хоккайдо и не возвращался как минимум до двадцатого числа. Члены семьи, которые остались дома, неминуемо должны были посетить могилы по случаю праздника Обон, а поскольку хозяин пойти не мог, жена Ясуно (34 года) взяла с собой троих детей: Тацуко (15), Хидэо (12) и Тайдзо (7 лет), а также управляющего Имамуру Садзэна (62), его жену Камэдзё (55) и двух служанок — Хацуэ (22) и Савако (17). Все вместе они отправились на родину Мори, в Кюсю, до девятнадцатого или двадцатого числа.

Оставался только старший сын Дайгаку, Юкинари (23 года), две служанки — Саэко (18) и О-Соно (18), конюх Токкити (38) и его жена Раку (36), всего пятеро: хозяин и слуги. Трое из них, хоть и не являлись громоненавистниками, все-таки боялись грома.

¹ Тё — около 50 м.

— О доме я не беспокоюсь, а вот о грозах — еще как! Вас троих ничем не успокоишь, так что держись, Саэко!

Такое напутствие оставила хозяйка дома, Ясуно, со смехом. Токкити с женой и О-Соно действительно страдали от грома — как только начиналась гроза, они развешивали москитные сетки и прятались в футоны, из-под которых их не могло вытащить ничто: сколько бы ни стучали, ни кричали, ни звали — даже хозяин — они так и дрожали под одеялом, не обращая даже внимания на пот, который лился ручьями. Да, таких непросто было успокоить.

Впрочем, если бы кто-то из супругов Имамура остался дома, беспокоиться бы не пришлось, но в этот раз визит на могилы предстоял крайне важный — без управляющего с женой не обойтись. Однако Токкити и Раку в остальное время вели себя вполне надежно, так что переживать не стоило.

Домик конюха находился во дворе, рядом со стойлом. Пока хозяев не было, Раку оставалась ночевать в комнате для служанок в основном доме. Токкити поужинал вместе со служанками, а затем вернулся к себе, но, когда засверкала молния, мрачно вернулся к служанкам. Следует понять его внутреннее состояние: в одиночку противостоять грому и молниям невозможно.

Вскоре прогремел гром, в комнате для служанок развесили москитную сетку. А поскольку мысль о том, чтобы спрятаться под одной сеткой, воспользовавшись шумом, ни у кого даже не возникла — ведь лучше иметь как можно больше союзников, — слуги быстро постелили три постели и плотно заку-

тались в одеяла, как в раковины, готовые отбить нападение врага. Более действенных мер не допустить вторжения света молнии и уменьшить громкий звук раскатов просто не было.

Позже разразилась сильная гроза, и Саэко стала обходить комнаты, закрывая ставни. Старший сын Юкинари, студент, был на летних каникулах и, пока родителей нет дома, каждый день гулял допоздна, а иногда даже не приходил ночевать. Раньше он редко возвращался домой поздно, а теперь пропадал каждый день и все еще не вернулся. Саэко закрыла ставни во всех комнатах, заперла ворота, оставив открытой только калитку. Кроме того, она постелила в комнате Юкинари и поставила на стол подсвечник с кремнем и фитилем, чтобы юноша, вернувшись, не блуждал в потемках. Рядом с подушкой она поместила глиняный кувшин с водой и чайную чашку.

Но откуда все это известно? Потому что, когда Саэко встала, чтобы закрыть ставни в каждой комнате, Токкити из-под одеяла попросил ее запереть ворота, а Раку — постелить Юкинари. Это были их обязанности — возможно, из-за самурайского духа этого дома именно Раку, а не молодая служанка, могла стелить Юкинари.

Когда Саэко вернулась, Токкити, не выползая из-под одеяла, спросил, заперла ли она задвижку на двери, Раку проверила подсвечник на столе и воду у изголовья, а также удостоверилась, что Юкинари еще нет.

Гроза близилась. Ослепительно сверкнула молния — казалось, небо и земля разорвутся. Вот тут-то

Юкинари и вернулся домой. Саэко вскрикнула и вскочила. Тогда О-Соно спросила, не вылезая из-под одеяла:

— Что?

Похоже, только она одна не была напугана, поэтому и смогла задать вопрос.

— Кажется, он пришел. Постучали, — ответила Саэко и вышла.

Они сказали, что не слышали стука — но когда страшный ливень барабанил по ставням, троица, плотно завернувшись в футоны, и не могли его слышать. Тем не менее, Саэко ответила, что стучат. Комната Юкинари находилась довольно далеко от комнаты служанок, так что вряд ли в такой сильный ливень и гром можно было услышать стук, поэтому, видимо, юноша специально подошел ближе к комнате служанок. Входная дверь тоже находилась довольно далеко, поэтому Саэко и не услышала, как Юкинари открыл входную дверь, когда возвращался. Иначе она непременно бы встала и пошла его встретить.

Гроза в ту ночь длилась действительно очень долго. Думали, что Юкинари вернулся домой между половиной десятого и десятью часами вечера. Во всяком случае, в самый разгар сильнейшей грозы — молнии будто избрали особняк Мори Дайгаку и разгулялись вокруг, разрывая небо и землю во всех направлениях, то удаляясь, то снова приближаясь, то обходя справа, то возвращаясь слева. Мощная гроза продолжалась вплоть до одиннадцати часов, и только к половине двенадцатого заметно отдалилась. Но даже после полуночи то тут, то там раздавались раскаты.

Саэко долго не возвращалась в комнату служанок. В этот раз Юкинари пришел домой раньше — около половины десятого или десяти. Но поскольку в последнее время его поздние визиты стали делом обычным, ужин приготовили заранее, и остальные решили, что Саэко задержалась, потому что занята на кухне — собирает блюда, относит их в комнату. Никто ничего подозрительного не заметил, и вскоре трое слуг, укрывшиеся от грома, уснули.

Первой проснулась Раку. Гром все еще гремел, и дождь по-прежнему лил стеной. Минут через сорок гроза стала утихать, и, когда гром уже едва слышался, она вышла из-под москитной сетки, зажгла свечу в подсвечнике и взглянула на настенные часы. Без десяти двенадцать. Тогда она разбудила мужа Токкити и сказала: «Иди ложись к себе. Нельзя все время спать у служанок, да и гроза кончается». Когда Токкити, ворочаясь, вставал, еще раз сверкнула молния, а потом, спустя довольно долгое время, послышался отдаленный гром. Токкити на мгновение вздрогнул и сел, но, убедившись, что гром уже далеко, успокоился и ушел. Раку разбудила О-Соно и сказала:

— Ты тоже уснула? А где же Саэко? Уже ведь полночь! Мы тут лежим под сеткой, в футонах, а она может, спит в другой комнате? Теперь, когда гром утих, чувствуешь, как жарко. Все ставни закрыты. Наверное, ей стало душно, вот она и не захотела оставаться здесь.

О-Соно тоже была вся в поту. В другой комнате для служанок Саэко не оказалось. Рядом с ванной

располагалась уборная и несколько небольших комнат у черного хода, прохладных и удобных для отдыха, поэтому они решили, что Саэко, вероятно, легла спать там, и снова улеглись. Когда обе уже почти задремали, вдруг раздался громкий всплеск — будто что-то упало в колодец на заднем дворе. Раку думала, что приподняла голову, но на самом деле ее тело, уже почти полностью захваченное сном, не подчинилось.

— Что-то упало, правда? — пробормотала Раку.

— Да, — ответила О-Соно, но ее голос был еще более сонным и вялым, чем у Раку.

— Может, это колодец на заднем дворе?

— Наверное, — ответила О-Соно.

Ответ прозвучал так безжизненно, что Раку тоже снова погрузилась в сон.

...Вот так и пропала Саэко.

* * *

На следующее утро обе женщины обнаружили, что ни в одной из комнат нет и следов ночевки Саэко. Более того, приготовленный для Юкинари ужин стоял на кухне нетронутым. Но пока это никого особенно не взволновало. О-Соно занялась уборкой, а затем вернулась на кухню, где Раку готовила завтрак, и сказала:

— У входа ужас что творится! Молодого господина вырвало прямо у гэнкана¹, кругом грязь! Но

¹ Гэнкан — традиционная зона при входе в японское жилище, служащая переходным пространством между улицей и внутренними помещениями. Здесь принято снимать обувь и оставлять ее на специально отведенной ступени или полке.

его гэта нигде нет. Наверное, испугался грома, убежал и где-то потерял.

Раку отправилась посмотреть и увидела хаотичные грязные следы, разбросанные по всему полу. Рвота попала на иностранную книгу — видимо, Юкинари наклонился, чтобы облегчиться, и случайно выронил ее.

— Тут и кусочки зеленого лука, и сиратаки, и мясо — прямо все сукияки¹, что он съел. И что теперь делать с этой книгой?

О-Соно посыпала рвоту золой, собрала и выбросила в отхожее место. Книгу вымыли и повесили сушиться, но, поскольку она всю ночь пролежала под грязью, бумага испортилась. Дверь у входа оказалась незапертой, и засов на калитке тоже не задвинули — наверное, Юкинари был сильно пьян.

Что же касается следов, то местами будто кто-то пытался их стереть. Но, видимо, в темноте сделать это как следует не удалось.

— Видишь, он, значит, действительно пришел сюда, чтобы постучать в дверь.

Следы вели почти до самой кухни. Но возле входа грязи оказалось особенно много — видно, кто-то долго возился. Да и по следам рвоты можно было догадаться, что случилось.

¹ Сукияки — популярное японское блюдо, представляет собой тонко нарезанную говядину, которую тушат вместе с овощами, тофу, грибами и лапшой в сладковато-соленом соусе. Традиционно ингредиенты готовятся непосредственно за столом в общей посуде, а затем обмакиваются в сырое яйцо перед употреблением.

— Может, это Саэко в темноте пыталась вымыть пол? Да так толком и не оттерла, — пробормотала О-Соно. Она пошла по следам до самого входа в комнату Юкинари и тщательно вытерла все. Комнаты располагались так: за гостиной для приема посетителей шла молельня, а за ней — комната Юкинари. И тут О-Соно увидела, что в гостиной, в нише токонома¹, разбиты два предмета — селадонная ваза и большое декоративное блюдо. Считалось, что это блюдо работы Какиэмона, а селадон — редкая китайская вещь. Мори Дайгаку, глава семьи, обожал фарфор и имел в коллекции немало выдающихся образцов, но эти два предмета были его особой гордостью. Служанкам строго-настрого велели обращаться с ними с величайшей осторожностью. И О-Соно при виде разбитого фарфора побледнела как полотно. В смятении она позвала Раку. Обе застыли от ужаса и долго не могли вымолвить ни слова. И разбитые семейные реликвии, и исчезновение Саэко, которое пока не вызывало серьезных опасений, вдруг предстали как нечто страшное, как знак грянувшей беды.

Да еще тот звук, когда что-то упало в колодец на заднем дворе...

Любой японец бы ощутил недоброе, а уж для служанок ощущение было особенно острым. А уж если дело касается разбитого фарфора — это очень

¹ Токонома — декоративная ниша в традиционном японском доме, предназначенная для размещения свитка с живописью или каллиграфией (какэ-дзюку), а также цветочной композиции (икебана) или других символически значимых предметов.

напоминает старинную легенду о Бантё Сараясики¹!

Женщины оцепенели от ужаса — и каждая понимала, что чувствует другая. Однако конюх Токкити не терял присутствия духа.

— Эй, слышите? Вчера, когда я уже собирался лечь у себя, я услышал сильный плеск. Кажется, прямо из колодца, хотя, кто знает...

Не дослушав, обе женщины уже были готовы взмолиться: «Хватит! Замолчи!»

Ближе к полудню наконец проснулся Юкинари. Ему показали разбитые драгоценные вещи и спросили, не заметил ли он чего-нибудь накануне.

— Хм... вот тебе на, — произнес он.

Юноша опустил голову, словно раздумывая. Бледность его лица можно было бы объяснить жестоким похмельем. Он сидел, погруженный в тяжелые мысли, будто сам разбил эти вещи.

— Это Сазко, — наконец произнес он. — Испугавшись грома, видно, оступилась и упала прямо на них... И еще она плакала.

Она плакала. Теперь только это и имело значение. Боль и слезы Сазко женщины ощущали так ясно, что по спине бежал ледяной холодок.

Токкити, конечно, был человеком добродушным, но страшным трусом. Он не смог бы спуститься в колодец, зная, что там лежит тело Сазко. Поэтому ему оставалось лишь обратиться в полицию — и вскоре пришли старший полицейский,

¹ Легенда о призраке девушки, несправедливо обвиненной в разбитии тарелок.

молодой констебль, а с ними — колодезники. Больше всех удивилась Раку.

— Вóт так мой никчемный муженек! Без разрешения господина полицию позвал!

Она поспешно оставила полицейских и колодезников ждать и побежала к Юкинари. Тот в это время сидел в гостиной и ел поздний завтрак, а О-Соно прислуживала ему. Но, стоило ему услышать «на заднем дворе»...

— Э?.. — воскликнул Юкинари.

Он вздрогнул, лицо его вытянулось — сначала от недоверия, потом от пронзившей его страшной догадки.

— На заднем дворе... — повторил он, но не смог договорить слова «колодец». О-Соно и Раку тоже не осмелились произнести это страшное слово. Поэтому все трое оцепенели от ужаса.

— На заднем дворе... Понятно... Значит, полицейский... Так вот как... Что ж, ничего не поделаешь... — бормотал Юкинари глухо, будто разговаривая сам с собой. Говорил он невнятно, тихо, почти неразборчиво, будто изнуренный болезнью. Вскоре он уронил палочки для еды и замер, опустив голову. Так он просидел долго, а потом вдруг, хотя почти ничего не съел, резко встал и, пошатываясь, направился к себе.

Когда О-Соно принесла ему чай, Юкинари неподвижно сидел за письменным столом.

— Простите, вы больше не будете есть? — робко спросила она.

Но Юкинари не ответил, а лишь спросил: